

Жена — эпизод 18 из 19

Я к вам теперь часто буду ездить. Скажите, у вас обедала жена когда-нибудь? Бы... ба... бы... бывает, забормотал Иван Иванович, делая усилие, чтобы пошевелиться. В прошлую субботу обедала. Да... Она меня любит.

После некоторого молчания я сказал:

Помните, Иван Иванович, вы говорили, что у меня дурной характер и что со мной тяжело? Но что надо сделать, чтобы характер был другой?

Не знаю, голубчик... Я человек сырой, обрюзг, советовать уже не могу... Да...

А сказал я вам тогда потому, что люблю вас, и жену вашу люблю, и отца любил... Да. Я скоро помру и какая мне надобность таиться от вас или врать?

Так и говорю: люблю вас крепко, но не уважаю. Да, не уважаю.

Он повернулся ко мне и проговорил шёпотом, задыхаясь:

Невозможно вас уважать, голубчик. С виду вы как будто и настоящий человек.

Наружность у вас и осанка как у французского президента Карно в

Иллюстрации намедни видел... да... Говорите вы высоко, и умны вы, и в чинах, рукой до вас не достанешь, но, голубчик, у вас душа не настоящая... Силы в ней нет... Да.

Скиф, одним словом, засмеялся я. Но что жена? Расскажите мне что-нибудь про мою жену. Вы ее больше знаете.

Мне хотелось говорить про жену, но вошел Соболь и помешал.

Поспал, умылся, сказал он, наивно глядя на меня, попью чайку с ромом и домой.

Повторение мать учения (лат.).

Был уже восьмой час вечера. Из передней до крыльца, кроме Ивана Ивановича, провожали нас с причитываниями и пожеланиями всяких благ бабы, старуха в очках, девочки и мужик, а около лошадей в потемках стояли и бродили какие-то люди с фонарями, учили наших кучеров, как и где лучше проехать, и желали нам доброго пути. Лошади, сани и люди были белы.

Откуда у него столько народу? спросил я, когда моя тройка и докторская пара шагом выезжали со двора.

Это всё его крепостные, сказал Соболь. До него еще не дошло положение.

Кое-кто из старой прислуги свой век доживает, ну, сиротки разные, которым деваться некуда; есть и такие, что насильно живут, не выгонишь. Чудной старик!

Опять быстрая езда, необыкновенный голос пьяного Никанора, ветер и неотвязчивый снег, лезущий в глаза, в рот, во все складки шубы...

Эка меня носит! думаю я, а мои колокольчики заливаются вместе с

докторскими, ветер свистит, кучера гикают, и под этот неистовый шум я вспоминаю все подробности этого странного, дикого, единственного в моей жизни дня, и мне кажется, что я в самом деле с ума сошел или же стал другим человеком. Как будто тот, кем я был до сегодняшнего дня, мне уже чужд. Доктор ехал позади и всё время громко разговаривал со своим кучером. Изредка он догонял меня, ехал рядом и всё с тою же наивною уверенностью, что для меня это очень приятно, предлагал папирос, просил спичек. А то, поравнявшись со мной, он вдруг вытянулся в саних во весь рост, замахал руками своей шубы, которые были у него чуть ли не вдвое длиннее рук, и закричал:

Лупи, Васька! Обгони-ка тысячных! Эй, котятка!

И докторские котятка при громком злорадном смехе Соболя и его Васьки понеслись вперед. Мой Никанор обиделся и придержал тройку, но когда не стало уже слышно докторских звонков, поднял локти, гикнул, и моя тройка, как бешеная, понеслась вдогонку. Мы въехали в какую-то деревню. Вот мелькнули огоньки, силуэты изб, кто-то крикнул: Ишь, черти! Проскакали, кажется, версты две, а улица все еще тянется и конца ей не видно. Когда поравнялись с доктором и поехали тише, он попросил спичек и сказал: Вот прокормите-ка эту улицу! А ведь здесь пять таких улиц, сударь. Стой! Стой! закричал он. К трактиру поворачивай! Надо согреться и лошадям отдохнуть.

Остановились около трактира.

У меня в епархии не одна такая деревенька, говорил доктор, отворяя тяжелую дверь с визжащим блоком и пропуская меня вперед. Среди бела дня взглянешь на такую улицу конца не видать, а тут еще переулки, и только затылок почешешь. Трудно что-нибудь сделать.

Мы вошли в чистую комнату, где сильно пахло скатертями, и при нашем входе вскочил с лавки заспанный мужик в жилетке и рубахе навыпуск. Соболев попросил пива, а я чаю.

Трудно что-нибудь сделать, говорил Соболев. Ваша супруга верит, я преклоняюсь перед ней и уважаю, но сам глубоко не верю.